

вым, вызывавшим издателей журналов на критику «Всякой всячины» за то, «что от критики свободно».

В связи с полемикой вокруг письма Д. П. важно отметить, что в ней совсем не касались собственно программных заявлений Чулкова о сатире и об отношении ко «Всякой всячине». Напротив, упоминаются случайные мотивы — торговая конкуренция журналов, ненависть к более удачливым издателям, угодливость к значительным лицам. Эмин и Новиков намекают, что «И то и сьо» нравится «придворным господчикам», что издатель желает угодить своим покровителям. Чулкова ругают, но не принимают всерьез как силу в идейной борьбе. Между тем отсутствие принципиальной позиции и резкие нападки на лучших журналистов оказались для Чулкова источником многих неприятностей. По свидетельству Новикова, уже в середине года журнал стал терять подписчиков.²⁴

Из интереснейшей по содержанию сорок восьмой недели, которая обычно цитируется, чтобы проиллюстрировать тяжелое положение писателя-разночинца, пытавшегося жить литературными заработками, можно извлечь сведения о причинах неуспеха журнала. Помимо жалоб на бедность и новых повторений своего кредо мирного писателя, Чулков останавливается на взаимоотношениях сочинителя с обществом: «Изрядный сочинитель! Лестное и ушам приятное название. Общество бывает к нам благосклонно, но если сочинитель, хотя неведением, погрешит к несчастью своему против желания и охоты читателей, тогда малое сие облако похвалы превратится в огромную тучу хулы, поношения и презрения к сочинителю... Не увидит он ниоткуда помощи, следовательно из бедного сделается еще беднее». Еще раньше Чулков сообщил, что еженедельник не будет продолжен в 1770 г.; за этим следовала сентенция явно биографического характера: «Если небо на кого свой гнев попустит, то тот не токмо человеку, но и скоту игрушкою бывает» (л. 46).

Судя по этой исповеди, падение своей авторской репутации Чулков ставил в зависимость от неудачных выступлений в литературной полемике. Объективно же оно было следствием поражения журнала с общественно нейтральной программой. Журнал, отказавшийся от постановки злободневных и тем самым спорных проблем, неизбежно должен был проиграть соревнование с «Трутнем». Полноценным сотрудником «Всякой всячины» Чулков также не мог сделаться. Установка на развлекательность, балагурный стиль компрометировали вполне серьезную программу Екатерины. «Всякая всячина», несмотря на все лойяльные заявления Чулкова, не захотела причесть его в свою родню. На ее страницах за вторую половину года не удастся обнаружить каких-либо упоми-

²⁴ Письмо за подписью N.N. в 12 листе «Трутня»: «Наши журналы сделали то, что его листочков почти никто не покупает» (СЖ, с. 90).